

# ПОПУТЧИК

Мужчина вошёл в вагон уже ночью, когда многие из пассажиров спали, и сел на свободное место, на боковое сиденье напротив меня. Выглядел он молодо, не более чем на тридцать пять лет, оказался общительным и разговорчивым человеком. Не знаю, что на него подействовало: может быть, то, что, как правило, встречаясь с незнакомым человеком, открываешь ему свою душу и свою жизнь, заранее зная, что, выплеснув свои переживания, распрощаешься с незнакомцем и больше никогда не встретишь его. Может так и было на этот раз, не знаю, но молодой мужчина по имени Георгий рассказал мне про свою жизнь, вернее про то, как ему пришлось выживать в этой жизни, чтобы быть самодостаточным, уверенным в себе, деловым человеком.

Наверное, разговора бы не получилось, если бы я его случайно не «зацепила», спросив про детство, про что-то сокровенное, что бывает у каждого из нас.

– Детство? – переспросил Георгий. – Да у меня его не было.

– Как это?

– А вот так. Мне было четыре года, а моему брату всего два, и мы с ним постоянно проживали в интернате.

– А что у вас родителей не было?

– Были. Отец и мать. Отец работал таксистом, ему постоянно некогда было, у матери тоже на нас времени не хватало, и она сдавала нас на неделю в интернат.

– А кем она работала?

– Официанткой в ресторане. Мать была постоянно занята, к тому же она часто выясняла отношения с моим отцом.

Помню, как она взяла меня и маленького брата и привела нас в квартиру, где в это время находился отец с другой женщиной. Выяснение отношений, крики, ругань, битьё посуды... Я плакал и уговаривал её: «Мама, пойдём отсюда!» Зачем она нас привела туда? Сейчас-то я догадываюсь, но тогда не понимал. Мне было плохо в интернате. Я всю неделю ждал, когда же придут родители и заберут меня на выходные. Проходила неделя, но никто не приходил. Бывало и такое, что в этом интернате я оставался один, совершенно один!

– Но почему?

– Мать или работала, или были какие-то дела, она просила кого-нибудь забрать меня, но про меня забывали. Из своего детства помню, что жили мы в каком-то подвале: темно, неудобно, и эти вечные упрёки матери: «Вам только жрать, вам только жрать подавай, надоели! Когда это закончится?» Нет, я не упрекаю сейчас мать ни в чём; должно быть, так у неё сложилась жизнь, она сейчас жива, и я ей помогаю. Но тогда, ещё в раннем детстве, своим умом я понял, что надо как можно быстрее выбираться из этого подвала, иначе пропаду. Я задался целью выйти в люди, стать независимым человеком, обеспеченным, а для этого надо было что-то делать. У меня была бабушка, мать надолго отправляла меня к ней. Самостоятельную жизнь я начал очень рано. С восьми лет уже работал. Вставал в шесть утра и бежал на птицеферму, ловил молодых кур и «расфасовывал» в ящики, а их уже отправляли куда-то по назначению. Бабушка жалела меня, говорила: «Куда ты встаёшь в такую рань? Не ходи». Но я шёл, потому что очень хотел быть самостоятельным. С восьми лет я получал зарплату и благодаря работе на птицеферме купил себе мопед. С этого времени я постоянно где-нибудь подрабатывал, в пятнадцать лет смог уже купить себе мотоцикл. Прекрасно понимая, что необходимо выживать, после

окончания восьми классов я решил идти учиться на повара, потому что всё просчитал и понял, что голодным не останусь. Пошёл на курсы поваров.

Действительно, голодным я там не был никогда. Сыр и масло были постоянно, питание было бесплатным, плюс стипендия. Потихоньку я начал брать каждый день из кассы по десять рублей – это было немного и незаметно; но вот заведующая предложила мне, когда в столовую залезли воры, воспользоваться этим и под эту марку ограбить свою собственную столовую, я отказался. Кивнув на огромные круги масла и сыра, она сказала: «Бери, Георгий, сколько хочешь, носи домой, всё равно всё спишут на воров». Я сказал: «Нет, мне это не нужно». После того как я выучился всё-таки на повара, мы с другом решили шишковать, опять же, чтобы заработать денег. Два сезона мы шишковали, и на эти деньги я купил себе машину. Женился я рано, в 17 лет. Деньги я уже умел зарабатывать своим собственным трудом, и они у меня были. Для своей свадьбы я откупил ресторан на три дня.

Как и обещал сам себе, я вылез из этого подвала, в прямом и переносном смысле этого слова, и иду своей дорогой, надеясь на свой ум, смекалку и сообразительность, опираясь теперь уже на свой собственный жизненный опыт. Я организовал своё дело, у меня хорошие друзья, нанял на работу специалистов, и дело моё идет неплохо. Ещё самому себе я дал зарок: ни при каких обстоятельствах не залезать в долги и не брать кредитов. Когда налоговая инспекция пришла проверять мои расходы и доходы, она была просто изумлена тем, что я не пользуюсь ни одним кредитом; они долго не могли в это поверить.

Сейчас у меня четырёхкомнатная квартира, и почти в готовом состоянии достраивается ещё одна. Но кредит я брать не буду, мебель возьму только за наличные. У меня приличная машина, я женат, есть дети. Старшему сыну двадцать один

год, учится в институте. Всё это, вся моя жизненная дорога сложилась исключительно из моего упорства, трудолюбия и желания выйти в люди, а самое главное – мне хотелось быть независимым, и я им стал, насколько это возможно в нашей жизни и в нашей стране.

Вот такую историю поведал мне мой попутчик. Не знаю, но так уж получалось, что в пути мне всегда встречались интересные, неординарные люди. И одним из таких оказался этот необычный собеседник, у которого, как мне думается, есть чему поучиться.

## ПРОДЕЛКИ НИКИФОРА

**Н**икифор вышел на крыльцо с резными перилами и вздохнул полной грудью. Было раннее летнее утро. Со стороны пруда веял лёгкий прохладный ветерок. Из-за леса вставало яркое улыбчивое солнце. День обещал быть погожим и ясным. Взяв в сарае тяпку и погладив ластившегося и прыгающего пса Ермолку, Никифор неторопливо пошёл в огород окучивать картошку. До работы надо было «разобраться» с оставшимися рядками. Он любил эти утренние часы, когда можно было неторопливо поработать, подумать о жизни, даже помечтать, а заодно полюбоваться природой.

Вот и сегодня от пруда ещё вился белёсый туман, начали горланить на селе петухи, веяло прохладой и мирным деревенским теплом.

К восьми часам Никифор уже окучил картошку и не спеша поднимался на крыльцо своего приличного деревянного дома с затейливой резьбой на ставнях и крыше. Вообще, Никифор в селе считался умельцем по плотницкому делу и, несмотря на то, что он не прочь был выпить, к нему многие обраща-

лись за помощью: перестелить пол, изготовить рамы, срубить баню... Позавтракав, Никифор отправился не на работу в стройцех, а к своей куме Василине Егоровне. Женщина жила одна, надо было помочь ей перестелить пол в сарае, укрепить обвалившуюся старую завалинку. Василина, бойкая и сноровистая женщина, не дожидаясь Никифора, уже что-то ремонтировала в своём сарайчике, и они вместе продолжили начатую работу. Всё бы ничего, да только у Никифора в ушах звенело и шумело в голове от вчерашнего. Каждый день он умудрялся чего-нибудь выпить, и это чего-нибудь в начале или к концу дня он обязательно находил. «Егоровна, ты бы дала чего-нибудь опохмелиться, башка трещит с самого утра, работа на ум не идёт». – «Да знаю я, знаю, что тебе хоть стаканчик да надо пропустить. Пошли уже за мной». Василина Егоровна повела Никифора по огороду, через уже окученные строгие ряды картошки к своей небольшой, но чистенькой и аккуратной баньке. Там в самом углу предбанника, прикрытая тряпьем, стояла фляга с брагой. Егоровна была непьющей женщиной, но иногда не прочь была поставить брагу: в хозяйстве и для дела пригодится, считала она. Не ожидая удачи, сразу повеселев, Никифор «навернул» две кружки хмельного напитка, посидел в холодке, не спеша подымил сигаретой и отправился к сарайчику, где неугомонная Василина, не дожидаясь работника, ножовкой отпиливала ненужную часть доски. Целый день трудился Никифор на благо своей кумы Василины Егоровны, а та не пожалела угощения, и к вечеру Никифор пришёл домой уже весёлый и довольный, к большому огорчению своей жены Анисьи Петровны. Всю последующую неделю Никифор, как и положено рабочему человеку, ходил на работу в стройцех. А дорога как раз проходила мимо дома кумы, и Никифор быстро сообразил что к чему. Каждый день, как только Василина отлучалась из дому по житейским

делам, Никифор выходил из своей засады-зарослей сирени, осторожно и быстро пробежал к бане и спокойно открывал замок (тот был без ключа, это Никифор заметил ещё тогда, когда гостеприимная хозяйка, ничего не подозревая, угощала его своей брагой). Кружка у Никифора была всегда с собой. Выпив две-три кружки, он спокойно вешал замок и быстренько шёл работать. Таким образом Никифор «отоваривался» целую неделю, в день выходило даже по два-три раза в зависимости от того, сколько раз отлучилась из дома кума Егоровна. К вечеру он возвращался домой «хорошим» и на вопрос жены, с кем пил и что пил, клялся и божился, что в рот ничего не брал, чист как стёклышко и что, вообще, надоели эти женские придирки, сколько можно! После этих слов он старался куда-нибудь поскорее удалиться, чтобы не нарываться на дальнейшее возмущение жены. Но Анисья Петровна тоже была не лыком шита. «Как же так, – думала она, – денег не даю, мастер в стройцехе «завязал», пить никому не даёт, целый день работают, домой вовремя приходит и ... пьяный. Тут что-то не так, надо проследить». И проследила. Всё сложилось как нельзя удачно. На следующий день Никифор, идя на работу, сразу увидел, что дверь у кумы на замке. Видно, с утра пораньше уже в Маслянино укатила, вот удача! И сразу сходу знакомой тропкой – к бане. Смело сдернул замок, напрямиком к фляге. Тут его и застучала Анисья Петровна. От неожиданности Никифор окаменел и чуть не подавился, услышав сзади вкрадчивый и неторопливый голос жены: «Ты что тут делаешь, паскуда?» Вначале он подумал, что это ему померещилось, но оглянувшись, он остолбенел, в испуге решился дара речи, только выкатил свои небольшие глазки и с ужасом смотрел на жену. Как она здесь оказалась! А Анисья, схватив под руки попавшийся веник, начала «выметать» своего мужа из предбанника. Никифор, опомнившись,

скакал через окученные ряды к калитке, а затем рысью рванул в стройцах. Но неприятности не ходят в одиночку. У Степана умерла тёща. Причём скоропалительно. В субботу сама помылась в бане, от помощи дочери Насти отказалась: «Сама управлюсь». Вечером легла спать и не проснулась. Степан в стройцехе заказал гроб и вот сегодня надо было ехать за ним. Попросив у соседа коня, Степан не спеша отправился за домовиной. Привязав коня, вошёл в стройцах. Здесь было светло и просторно. В углу валом лежали деревянные колёса. Лучи солнца освещали всё помещение, усыпанное опилками, деревянными отходами. И от всего этого было так светло, что свет поначалу даже бил в глаза. Немного присмотревшись, Степан увидел у стены стол, на котором стоял гроб. В помещении никого не было. Степан уже шагнул к гробу и опешил, просто замер от неожиданности. В новенькой деревянной домовине лежал человек, скрестив на груди руки, как и положено покойнику. «Что за чертовщина?!» – в ужасе подумал Степан. Приглядываясь, он увидел, что человек был весь в стружках. Стружки запутались в волосах усопшего, в одежде, часть их, кудрявясь, свисала из гроба. Придя в себя, Степан потихоньку стал подходить к столу и увидел, что человек дышит, а потом уже узнал в мертвце Никифора. От злости Степан загнул матом, Никифор ошалело сел, спросонья ничего не понимая. А Степан, не давая ему опомниться, вывалил непрошенного «покойника» из гроба, успев дать ему пинка и, взвалив на себя гроб, пошёл к выходу. Никифор же лёгкой рысью бежал домой и на ходу соображал, что же произошло. И, уже подбегая к дому, разложил-таки всё по полочкам. Просто ему захотелось примерить, нормальный он гроб сделал или нет. Вот и примерил, только чуть-чуть задумался в гробу и не заметил, как уснул. И надо же было случиться всему этому в один день! Нет, не его сегодня день, точно не его! А так всё хорошо начиналось!..